

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Затоновой Дарьи Юрьевны на тему: «Имущественная ответственность судебного эксперта», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 12.00.15 – гражданский процесс; арбитражный процесс

Актуальность темы диссертационного исследования Затоновой Д.Ю. емко выражена в сформулированном автором вопросе, предваряющем работу: должен ли судебный эксперт нести гражданско-правовую (имущественную) ответственность за составление экспертного заключения, не соответствующего требованиям закона, понимаемого как ненадлежащее или дефектное заключение, или же природа связывающих его с судом отношений, процессуальное положение и выполняемая функция обусловливают предоставление иммунитета от привлечения судебного эксперта к имущественной ответственности? Важен и производный отсюда разрешаемый автором вопрос о наличии имущественного иммунитета судебного эксперта, поскольку не преувеличением является суждение автора о том, что де-факто в современном российском гражданском и арбитражном процессе судебные эксперты пользуются иммунитетом от привлечения к имущественной ответственности (с.4 диссертации).

Действительно, нельзя не видеть дуализма в отношениях суда и эксперта, при котором последний, с одной стороны, выступает как субъект гражданских правоотношений, выполняющий некую значимую для суда и участников процесса работу; с другой стороны, эксперт выполняет публичную функцию, ему делегируется право в формировании доказательства по делу, за достоверность которого он несет юридическую ответственность и ему вверяется во многом судьба процесса.

Четко сформулированный автором вопрос, с которым связывается актуальность избранной темы, порождает и другие вопросы, представляющие несомненный научно-практический интерес, в частности, вопрос о сущности находящихся под потенциальной угрозой причинения вреда со стороны эксперта принадлежащих сторонам дела благ, специфические черты деликтов, за совершение которых эксперт может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности, а также способы защиты прав и законных интересов сторон дела, во-первых, не желающих оплачивать фактически не оказанные или оказанные некачественно услуги эксперта, во-вторых, претерпевающих вызванные этими деликтами убытки (с.7), а также другие проблемы.

Можно констатировать, что все, способствующие уточнению правового статуса эксперта вопросы, по линии выявленного дуализма, безусловно, представляются актуальными.

Об актуальности темы диссертационного исследования может свидетельствовать также постоянное внимание законодателя к затрагиваемым диссертанткой вопросам. Так, уже после подготовки

диссертации был принят Федеральный закон от 14.07.2022 № 318-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации», дополнивший статью 95 ГПК РФ частями 4 и 5, которыми регулируются вопросы определения размера и выплаты вознаграждения экспертов.

Избранная диссиденткой тема характеризуется абсолютной новизной; никогда ранее подобные исследования не предпринимались.

Ознакомление с работой показало, что автор умеет четко ставить вопросы и находить взвешенные ответы на них, учитывать многополярность высказанных суждений, видеть слабые стороны и своей позиции, мотивированно выбирать одну из имеющихся альтернатив.

Так автор задается вопросом: чему в российском праве должен быть отдан приоритет - идее о том, что интересы правосудия требуют, чтобы судебный эксперт представлял суду свое профессиональное мнение, не боясь быть подвергнутым претензиям со стороны недовольных участников процесса, а также, чтобы был исключен риск внеинстанционного пересмотра дела, или же основополагающему правилу о том, что любой причиненный вред подлежит возмещению? И приходит к выводу, что «судебный эксперт является субъектом имущественной ответственности за вред, причиненный ненадлежащим исполнением обязанностей по производству экспертного исследования лицам, участвующим в деле, в соответствии с принципом генерального деликта. Ни функция предоставления профессионального суждения, предполагающая дискрецию при его выражении, ни презумпция надлежащего исполнения экспертом обязанностей, ни потребность обеспечить эксперту свободу выражения профессионального мнения без опасения быть подвергнутым имущественным претензиям со стороны недовольных участников процесса, ни крайне нежелательный для интересов правосудия риск внеинстанционного пересмотра дела не могут служить основанием для предоставления судебному эксперту иммунитета от имущественной ответственности» (с.10).

Интересен авторский вывод о существовании гражданских процессуальных правоотношений с имущественным содержанием (с.10-11), однако он порождает определенные возражения, приводимые в вопросной части отзыва.

Предпринятый автором анализ судебной практики по вопросу о допустимости имущественных притязаний к экспертам представляется объективным и полным (с.14-22).

Автор верно отмечает, что ситуация с наличием иммунитета парадоксальна тем, что ставит экспертов в некий привилегированный статус, который право не предоставляет ни одной другой профессии, ни одному иному роду приносящей доход деятельности. При таком подходе надо признать, что судебные эксперты не несут ответственности за качество выполненного ими экспертного исследования.

Рассуждения автора относительно иммунитета судебного эксперта, подкрепляемые ссылками на три аргумента (об «отвращающем эффекте», о

«разделенной лояльности», о нежелательности внеинстанционного пересмотра уже разрешенного дела) можно продолжить, и сослаться на то, что по общему правилу, не допускается самостоятельное оспаривание доказательств вне рамок дела, по которому они представляются и исследуются (см. например: абзац 5 пункта 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»). Соответствующее правило могло бы иметь и характер общей нормы, не ограничиваясь сферой только административного судопроизводства и дел об административных правонарушениях.

Наиболее убедительным представляется аргумент относительно внеинстанционного пересмотра дела; он заставляет автора задуматься над тем, что в российском праве риск возникновения побочных процессов потенциально может рассматриваться как политico-правовой аргумент, обосновывающий идею о необходимости предоставления судебному эксперту в интересах беспрепятственного осуществления правосудия иммунитета от привлечения к имущественной ответственности (с.64).

Закономерно, что природа складывающихся между судом и экспертом правоотношений, их амбивалентный процессуально-материальный характер заставляют автора отдельно остановиться на вопросе о способах защиты прав и интересов эксперта, который лицом, участвующим в деле, не является, но права и обязанности которого являются предметом резолюции суда о выплате/отказе в выплате или уменьшении согласованного вознаграждения (с.109 и последующие).

Автор вполне обосновано дифференцирует подходы к ответу на вопрос о том, на кого должны быть возложены расходы на проведение первоначальной и повторной экспертиз. Если необходимость в проведении повторной экспертизы явилась результатом небрежного исполнения экспертом своих обязанностей по проведению экспертного исследования, то суд должен принять резолюцию об уменьшении/отказе в выплате эксперту вознаграждения, а денежные средства, оставшиеся на депозитном счете суда, должны быть впоследствии перечислены эксперту (экспертному учреждению), который проведет повторную экспертизу. Иная ситуация складывается, если суд вынужден был назначить повторную экспертизу в связи с признанием заключения первоначальной экспертизы недопустимым доказательством, что явилось следствием процессуальных ошибок, допущенных судом, тогда как эксперт надлежащим образом выполнил экспертное исследование. В этом случае обусловленное вознаграждение должно быть перечислено эксперту, а расходы на проведение повторной экспертизы должны быть возложены на федеральный бюджет, поскольку ни стороны, ни эксперт не должны нести негативные последствия процессуальных нарушений, допущенных судом (стр.115)

Задаваясь вопросом о том, может ли деятельность эксперта (субъекта специальных знаний) в процессе рассматриваться как вредоносная с

гражданско-правовой точки зрения и выступать основанием возникновения деликтного обязательства, диссертант на примере отдельных деликтов, которые может совершить судебный эксперт, анализирует, каким именно ценностям (благам) в каждом конкретном случае причиняется вред, в чем заключаются специфические черты указанных случаев причинения судебным экспертом вреда и может ли причинение судебным экспертом вреда в рамках процессуальной деятельности выступать основанием возникновения деликтного обязательства (с.123).

В качестве наиболее типичных, автор рассматривает такие разновидности деликтов как: а) повреждение или уничтожение объекта экспертного исследования; б) деликт, возникший в результате дачи экспертом заведомо ложного заключения или заведомо ложных показаний; в) деликт, выразившийся в затягивании рассмотрения дела; г) составление экспертом в результате допущенной небрежности некачественного заключения (с.124).

Отрадно, что диссертант разделяет природу убытков, причиняемых в результате совершения указанных деликтов, отмечая, что в каких-то случаях они имеют прямой характер причиняемого материального вреда (уничтожение объекта исследования), в каких-то случаях характер опосредованный (экономический).

Вполне уместно приводимое автором в сноске 152 к работе сравнение природы возникающих отношений с 41-й книгой «Комментарии к Сабину» Ульпиана, который указывал: «Тот, кто похищает документы или расписки, отвечает за кражу в размере стоимости не только самих табличек, но и того, что составляло интерес, относящийся к оценке той суммы, которая в этих документах содержится...».

Работа очень подробно и основательно аргументирована, лишена крайностей в оценках. Так, например, диссертант справедливо пишет: «необходимость возмещения чисто экономических убытков в полном объеме возлагает на делинквента непомерное бремя ответственности, что потенциально способно привести к банкротству делинквента, а значит, ставит под угрозу существование целого ряда общественно значимых профессий и родов занятий» (с.172).

Можно поддержать и многие другие суждения автора.

Так, например, не вызывает возражений мнение автора о том что в российском праве нет ни легальных, ни политико-правовых оснований для наделения внесудебных экспертов иммунитетом от предъявления иска о возмещении вреда и/или чисто экономических убытков, причиненных ненадлежащим выполнением экспертного исследования, не только заказчиком экспертного исследования, но и лицами, явившимися его непосредственными или подразумеваемыми адресатами: если внесудебный эксперт знал или должен был знать, что подготовленное им заключение будет использовано впоследствии в ходе судебного разбирательства, он должен нести имущественную ответственность за возможные убытки и перед

сторонами дела, в которое было представлено заключение, оказавшееся дефектным (с.12).

В целом, содержание диссертации Затоновой Д.Ю. показывает, что автор провел серьезное, самостоятельное исследование актуальной и важной темы, сделав обоснованные выводы и предложения по совершенствованию процессуального законодательства.

Можно отметить следующие положительные моменты:

Выводы, сформулированные автором в качестве положений, выносимых на защиту, представляются достоверными, обоснованными и аргументированными как с теоретических, так и с практических позиций.

Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации, отражая основные положения и выводы автора.

Публикации автора полно отражают основные положения диссертации.

Общий вывод: диссертация Затоновой Д.Ю. представляет собой самостоятельное завершенное научное исследование, выполненное на высоком теоретическом уровне, отличающееся новизной и значимостью внесенных автором предложений.

Вместе с тем, некоторые положения и выводы диссертанта нуждаются в дополнительном пояснении.

1.На стр. 93 диссертации, а также в других местах исследования, в качестве одной из ключевых идей работы проводится мысль, что «основанием возникновения правоотношений между судом и экспертом является не только определение суда о назначении экспертизы, но и соглашение между судом и экспертом, определяющее содержание прав и обязанностей эксперта и суда в их «имущественной составляющей»; «конечно, обязанность эксперта представить суду экспертное заключение возникает с момента вынесения определения о назначении экспертизы, но в основании возникновения этой обязанности лежат два юридических факта: 1) соглашение между экспертом и судом о размере вознаграждения эксперта; 2) определение суда о назначении экспертизы».

Данная идея позволяет выдвигать и другие производные положения. Так, например, на стр.97 диссертации утверждается: «притязание эксперта, представляющее собой право требования выплаты обусловленного вознаграждения за составленное экспертное заключение, несомненно, носит имущественный характер, а потому и правоотношение между судом и экспертом, складывающееся по поводу выплаты вознаграждения, имеет имущественное содержание. Вписывается ли это правоотношение в систему гражданских процессуальных правоотношений? С одной стороны, гражданское процессуальное право не призвано регулировать имущественные отношения. С другой стороны, не может не возникнуть вопрос, как тогда охарактеризовать природу данного, имущественного по своему содержанию, правоотношения по выплате эксперту обусловленного вознаграждения?»

По нашему мнению, суждения об имущественной составляющей процессуальных отношений, о соглашении между судом и экспертом и

некоторые другие являются несколько искусственными. Безусловно, нельзя не видеть отдельные черты договорного регулирования в рассматриваемых отношениях (автор диссертации также обнаруживает свое знакомство с активно исследуемой в последнее время проблематикой процессуальных соглашений), однако это не должно вести к переоценке этого имущественного элемента в процессуальных отношениях, и давать повод к пересмотру традиционной конструкции процессуальных отношений.

Полагаю, что опосредованная вовлеченность в процесс различных форм перемещения материальных благ в виде имущества и денежных средств никак не колеблет традиционного понимания процессуальных отношений и не дает оснований к признанию за ними имущественного содержания. Суд в ходе осуществления правосудия вступает в многочисленные отношения, опосредованно связанные с движением имущества и денежных средств (в частности, это отношения по поводу внесения денежных средств в депозит для обеспечения поворота исполнения судебного акта на случай его отмены при обращении решения к немедленному исполнению; внесение обеспечения при принятии мер по обеспечению иска, встречное обеспечение; оплата, причитающаяся специалистам, переводчикам; отношения по поводу хранения вещественных доказательств; распределения судебных расходов, в которых суду принадлежит право оценивать их разумность, отсутствие чрезмерности и многое другое). Так, например, на основании части 1 статьи 94 АПК РФ, «арбитражный суд, допуская обеспечение иска, по ходатайству ответчика может потребовать от обратившегося с заявлением об обеспечении иска лица или предложить ему по собственной инициативе предоставить обеспечение возмещения возможных для ответчика убытков (встречное обеспечение) путем внесения на депозитный счет суда денежных средств в размере, предложенном судом, либо предоставления банковской гарантии, поручительства или иного финансового обеспечения на ту же сумму. Размер встречного обеспечения может быть установлен в пределах имущественных требований истца, указанных в его заявлении, а также суммы процентов от этих требований. Размер встречного обеспечения не может быть менее половины размера имущественных требований».

Если взглянуть на эту норму под определенным углом зрения, то может сложиться впечатление, что суд вступает в соглашение по поводу избрания формы встречного обеспечения, размера такого обеспечения и пр. Равно как и во всех перечисленных случаях, суд может регулировать размер, порядок и сроки внесения, расходования, выплаты денежных средств, но означает ли это возникновение процессуальных отношений с имущественным содержанием, проникнутых договорным началом, субъектом которых является суд? Полагаем, что нет.

Для решения задач и достижения целей судопроизводства суд, на основе имеющихся у него данных о стоимости и объеме оказанных услуг, властным образом определяет порядок, сроки и размер выплаты вознаграждения экспертам за выполненную ими работу. При назначении

экспертизы суд, заручившись согласием сторон на оплату экспертизы, санкционирует ее проведение определенным экспертом, в определенный срок и за определенную цену. Равным образом, он наделен правом отказать в удовлетворении ходатайства о назначении экспертизы вообще и о назначении ее в конкретном экспертном учреждении, если, например, посчитает, запрошенную за работу цену чрезмерной или квалификацию экспертов недостаточной. Все это надлежит рассматривать не через поведение суда как некоего договороспособного субъекта, вступающего в соглашение с экспертом (или экспертным учреждением), оценивающего выгодность договора, способного отказаться от договора и пр., а исключительно как поведение властного субъекта процессуальных отношений, наделенного правом разрешить или отклонить совершение процессуальных действий.

В этом смысле, отношение суд-эксперт ничем не отличается от любых иных процессуальных правоотношений.

2. Автор достаточно подробно описывает различные формы деликтного поведения судебного эксперта, дающие право на иск к такому исполнителю. Так, отмечается: «противоправное действие эксперта, выразившееся в повреждении или уничтожении объекта экспертного исследования, в результате чего невозможно установить искомый факт с использованием специальных знаний, характеризуется тем, что (1) причиненные экспертом убытки заключаются в умалении права на судебную защиту и не подпадают под понятие «материализованного» вреда как условия деликтной ответственности» (с.137); «эти убытки, которые, впрочем, как и в примере с небрежным уничтожением объекта экспертного исследования и невозможностью проведения повторной экспертизы, вряд ли можно отнести к «материализованному» вреду, возникшему в результате нарушения абсолютного права потерпевшего, следует в полном объеме возложить на эксперта, поскольку он умышленно пошел на составление заведомо ложного заключения (с.139); «эксперт, составивший в результате допущенной небрежности некачественное заключение, потенциально может причинить ущерб следующим благам: (1) праву стороны дела на получение экспертного мнения, отвечающего предъявляемым законом требованиям к качеству; (2) праву на судебную защиту, которой проигравшая сторона лишилась в результате некачественного экспертного заключения (как в случае с уничтожением объекта экспертного исследования)» (с.163-164).

Приведенные идеи относительно лишения стороны права на судебную защиту и возмещения возникших вследствие этого убытков кажутся достаточно привлекательными, однако автором, на наш взгляд, недостаточно показан механизм развертывания причинно-следственной связи в таких случаях.

Не само по себе заведомо ложное заключение эксперта, или затягивание экспертом сроков составления заключения, или подготовка некачественного заключения причиняют убытки стороне, а вероятно восприятие таких доказательств судом, использование их в решении и

возможно реальное исполнение такого решения способны причинить убытки стороне. Однако всегда ли реально отследить развитие такой причинно-следственной связи? Так, например, заключение эксперта может страдать одним из перечисленных выше пороков, однако отказ в иске может быть продиктован наличием других доказательств, факторами чисто юридического толка (пропуск срока исковой давности, материально-правовая несостоятельность требований), упущениями процессуального поведения стороны и пр. Таким образом здесь должен решаться вопрос об убытках?

Высказанные замечания и поставленные вопросы носят дискуссионный характер, и не колеблют общей положительной оценки диссертационного исследования Затоновой Д.Ю., которое соответствует специальности 12.00.15 – Гражданский процесс, арбитражный процесс. Диссертация Затоновой Дарьи Юрьевны на тему: «Имущественная ответственность судебного эксперта» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Затонова Дарья Юрьевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 12.00.15 – гражданский процесс, арбитражный процесс. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Член диссертационного совета

Доктор юридических наук, профессор,

**заведующий кафедрой гражданского процессуального и
предпринимательского права**

**ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва»**

Юдин Андрей Владимирович

«5» августа 2022 г.

